

18+

ВАСИЛИЙ ВИТАЛИУС

АСТРОЛОГИЯ ПОИСКА

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Василий Виталиус
Астрология поиска.
Астрологический детектив

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309913
ISBN 9785448528934*

Аннотация

Астрологический детектив, в основу которого положено искусство предсказания по звездам, полный неожиданностей и закрученного сюжета. Главные герои должны не просто найти, но и понять, кто тиранизирует деревню: магическое существо или все-таки за этим стоит человек? Читатель сможет на практике увидеть действенность астрологии, сопереживать героям и радоваться их победам.

Содержание

Глава первая. Чупакабра	5
Глава вторая. Алефтиново проклятие	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Астрология поиска Астрологический детектив

Василий Виталиус

© Василий Виталиус, 2017

ISBN 978-5-4485-2893-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Астрологический детектив, в основу которого положено искусство предсказания по звездам, полный неожиданностей и закрученного сюжета. Главные герои должны не просто найти, но и понять, кто тиранизирует деревню: магическое существо или все-таки за этим стоит человек? Читатель сможет на практике увидеть действенность астрологии, сопереживать героям и радоваться их победам.

Глава первая. Чупакабра

Любому приезжему может показаться, что в холодный сезон жизнь в деревне замирает. Не посеешь и не пожнешь, как говорится. Земля покрывается плотным белым одеялом, из которого торчат голые стволы сонных деревьев и разбросанные темные избы. Эти урбанистические грибы, словно ожившие персонажи, выдыхают темную дымку неустанной работы жарких печей.

Улицы в эту пору обычно пустые, только днем слышны крики детворы, которая резвится в небольших оврагах с санками и ватрушками в руках. Домой их не загнать, как бы мать ни кричала: дни короткие, и юнцы и девы используют каждую минуту в удовольствие. А то с утра в школу, а там порезвись маленько, и уже темнота начинает окутывать станицу.

Солнце в эту пору не балует теплом, да и вообще ленится надолго вылезать из-под горизонтального одеяла: то и дело прячется за тусклыми облаками, нагоняет дремоту.

Если честно признаться, то, возможно, это любимое время года на селе: все заготовлено, если хозяин не ленив, то погреб его ломится от припасов. Рассадой заниматься рано, копать не нужно, с сорняком бороться тоже – все спит. Конечно, то там подмастеришь, то здесь подлатаешь, но все же зима легче для мужика, чем весна, лето и осень. Хотя что

и говорить, холода жуткие бывают. Вот так идешь по улице, а снег хрустит под ногами и ярко отливает в лучах ночного светила. Холод кусает щеки и так и норовит залезть под шубу, и думаешь в это время: быстрее бы тепло, пусть и с работой сопряжено будет это.

Местный астролог очень любил зиму, не потому, что спину гнуть не нужно – этого он не боялся, просто Василий предавался своему любимому делу. Станичники считали занятие бесполезным и сильно затратным, но Васька отдавался ему полностью и не жалел на него никаких денег.

Это влечение для них было странным, непонятным и даже для многих неестественным: мужик и такие глупости делает. На селе вон баб одиноких куча, в глазах которых отражается желание крепких объятий. Любая бы рада была согреть его одиночество, а он... прости господи, против природы прет и такой глупостью занимается. Хорошо, что по воздуху эта гадость не передается, да и справно, что особняком он ходит, а то гляди еще и других мужиков заразит своим пристрастием, кто ж тогда население в деревне поднимать будет, ворчали бабы.

Вот поздней осенью, когда распродал последний товар на рынке и набивал кошелек деньгами, то, влекомый страстями большого города, покидал он станичников и отправлялся туда, где приносил себя на алтарь своей слабости, где кошелек его быстро таял: в книжный магазин, и набивал тюки бумажными ведами. За раз порядка пятидесяти выходило.

В город не наездишься, так что нужно было брать по максимуму. Больше не тащил – сильно извозчик ругался. Петрович был деревенским ямщиком, или проще, что-то вроде общественного транспорта. Мужики и бабы загружали его повозку всем необходимым, и кобылка Муська медленно, переваливаясь из стороны в сторону, тащила содержимое в деревню.

– Опять навалил макулатуры! А вот сдохнет Муська от такой тяжести, кто тащить-то будет? Нет бы по нужде там: красивое или вкусное, а то... – смачно плюнул ямщик, бубня себе под нос то, что не мог сказать в глаза астрологу.

С Васькой в деревне особо никто не хотел ссориться, человек он нужный: найти там что-то пропавшее по звездам мог или узнать там про кого что, и торговля шла у него лучше других. Да кучу вещей умел делать, только на небо взглянув, да и мужик был ученый, а самое главное – не женат. В деревне девок на выданье было много, а свободных да дельных мужиков мало.

Васька на все упреки Петровича только молча складывал свои тюки, кряхтя от тяжести. Всю дорогу ямщик не унимался, словно чувствуя свою мещанскую власть над попутчиками, и все бубнил и бубнил, аж бабы начинали возмущаться. Ну любит человек читать, на свои же эту макулатуру кровные тратит, да и за дорогу водитель берет немало; в общем, не его дело, кто там и что везет. Петрович продолжал бубнить, но еще тише, только по шевелению усов, которые от-

ражались в боковых зеркалах, и было понятно его недовольство.

Васька дома книги раскладывал по стопкам, где наука, а где художественная словесность, и с жадностью и удовольствием поедал их днями, а порой и ночами. Так они перековычивали из одной кучки новых и еще не прочитанных в другую – уже изученных. Читал он до тех пор, пока живот не начинал устраивать революцию: значит, трапезничать пора.

Какая там еда может быть у бобыля, так, все на закуску, или мать придет и накормит, пожалеет сына-горемыку, который все подарить ей внуков не может. Вот накроет стол, подпрет локотем свою седую голову и вздыхает горько, смотря на проголодавшегося верзилу. Кому нужна его наука, если в доме детишек нет – ей было непонятно. Астролог и сам неплохо кашеварил и в этот раз решил побаловать себя гастрономически, и в печи уже томила гречка с бараниной. Осталось соус любимый сделать и можно приступать к еде. Взбив домашний майонез, он добавил туда горчицу, зелень и немного дробленных орехов. Все это смешал и уже полез было доставать горшочек, как в избу отворилась дверь.

Холодный ветер закружил по хате, побегал по углам и где-то запрятался под «Джеком»¹. Местные нравы всегда раздра-

¹ «Джек»; Джековский ковёр (азерб. Sek xalçaları) – ковры, входящие в кубинскую группу Куба-Ширванского типа Азербайджанского ковра. Носят название деревни Джек, расположенной приблизительно в 35 км юго-западнее Кубы, вблизи горы Шахдаг. Эти ковры широко производятся также в деревнях Крыз, Хыналыг, Сухейб, Будуг и Галейхудат, однако больше известны под названием «Джек».

жали Ваську, он все недоумевал, как можно без стука или предупреждения запереться в чужой дом, а если хозяева там будут в непотребном виде? Хотя что на деревне скрывать, и так все про всех все знают, вот и не стучат сроду, а лезут в дом как в свой.

Алефтина – местная старожилка, ей, наверное, уже лет семьдесят стукнуло, но здорова была бабка и телом и духом и сама управлялась с огородом и торговлей. Сажала всего и помногу, и крыжовника не счесть видов, и клубника на любой вкус, и помидоры цветов разных. Ей бы помощников побольше, но откуда их взять. Дети все в город убежали, а мужика, а где он был, Алефтина и не знала, как уехал в город, там и сгинул. Одни говорили, что прельстился тамошней жизнью, другие – что погиб в неравном бою. Бабка никогда о муже своем астролога не спрашивала: драчун он был, а так хоть и одна, но видимо, спокойнее. Алефтина была зажиточной, правда, для кого она свои сокровища складировала, было непонятно: с детьми толком не общалась, подношения в церковь не несла, все плакалась, что денег нет, хотя полтележки занимала своими товарами на продажу в город.

Бабка беглым взглядом окинула красный угол, наспех перекрестилась и села за стол. Здрасьте, дескать, примите гостью дорогу. Снег с ее валенок и шубы таял, и буквально через минуты набралась приличная лужа под стулом – изба была натоплена на славу. Алефтина расстегнула верхние пуговицы шубы, сняла шерстяной павло-посадский платок,

который купила в городе. Вот бабка, хоть и сто лет в обед, а тоже красивые да модные вещи уважила. Все удивлялись, когда Алефтина в платке появилась. Обычно она носила перелатанное все и буквально на хлебе экономила, а тут такую красоту недешевую приобрела. Видимо, как и любви – лепоте подвластен и зрелый возраст.

– Вася, беда, – запыхавшись, из-за одышки прерывая речь, загалдела бабка.

– Что стряслось? – в голосе астролога были слышны нотки неудовольствия: и от еды оторвали, и пришла без приглашения, и теперь и время трать на нее, а там и солнце зайдет – и почитать не удастся.

– Погибель моя пришла, – больше Алефтина не смогла вымолвить ни слова, только уткнулась в свой модный платок и зарыдала. Ее темные, еще густые волосы, которые местами отдавали сединой, паклей легли на ворот выцветшей и позеленевшей от старости и неряшливости хозяйки шубы. Васька уже и забыл, какой у нее был цвет волос: больше года Алефтина не снимала своего платка, как купила, так всегда в нем.

Немного успокоившись, пояснила старая, что поутру нашла своих курдохлыми, словно проткнул их кто: ни кровиночки нет, никак чупакабра напала или кто навел.

– Я-то тут при чем? – прервал ее астролог. – У нас что, участкового нет? Вот к нему и иди с этим, или мне прикажешь чупакабров твоих искать?

– А тебе чего, сложно? – не унималась сельчанка. – Спроси звезды свои, какой паразит такую проказу на меня навел. Никак Нюрка порчу сделала, вот я ей все космы повиыдергиваю, – и в знак подтверждения она потрясла вытянутой рукой, на вершине которой возвышался мощный кулак деревенской бабы.

– Так, Алефтина, – грубо и холодно прервал ее снова звездочет, – порчи нет на тебе, а кто мог такое с твоими курами сделать – сходи к Егорычу, он за это зарплату получает, вот пусть и расследует.

Алефтина ушла недовольная, то и дело сыпала проклятиями в адрес астролога и говорила, что такая напасть и с ним может приключиться, и вообще, человек он нехороший.

Васька ее слова всерьез не воспринимал, да и смотреть на порчу не хотелось. Вот скажи ты такому аборигену, что есть на нем мистическая проказа, и все, не успокоится, пока душу из Васьки не вытрясет, чтобы тот по звездам имя обидчика сказал, а стравливать сельчан – дело неблагодарное, так и без дома можно остаться – сожгут.

Да и про чупакабру все сказки, наверное, голодный волк из леса пролез через плетень ее хилый и пожрал живность, а она на духов и порчу кивает, лучше бы забор поправила или мужиков наняла, чтобы подсобили, а то весь дырявый. Не раз ей уже про это говорили, да все пеняла, что денег у нее нет – жадная баба, до глупости жадная. Вот куры у нее повиылезают через забор этот, а потом бегают по деревне, наседок своих

ищет.

Васька сел за стол, навалил себе с пригоршнями кашу с мясом, полил это дело соусом и дал радость желудку. Потом почитал еще немного и спать лег. Завтра будут новые книги, Алефтиновы проклятия уже и не помнил, что только в сердцах ни наговорит баба.

Ночью ему все чупакабры снились, как стоит он рядом с ними и от страха пошевелиться боится. Они же рослые, собаки, почему-то с белой шерстью и вытянутыми мордами, разлеглись на полянке, и красные глаза их блестят в тусклом свете луны.

Глава вторая.

Алефтиново проклятие

Васька проснулся от холода, казалось, каждая клеточка вибрировала. Он натянул одеяло на плечи и приоткрыл слипшиеся глаза. «Ну и сон, надо же было так вспотеть», – подумал астролог.

В комнате царила темнота и сонное царство, даже печь мирно похрапывала монотонным шумом в трубе, а жерло ее было темным от давно прогоревших угольков.

За окном природа только начинала просыпаться, и день медленно и неуверенно начал распровлять плечи для борьбы с ночью. На горизонте появилась тонкая и тусклая полоска утреннего света.

«Наверное, уже часов шесть», – подумал астролог и удивился, что не слышен петушиный крик. Он поднялся с постели: стопы прикоснулись к холодному полу, Васька быстро стал шарить ногами в поисках тапочек. Укутался в одеяло и пошел к умывальнику, чтобы выпить кружку холодной воды.

Только ветер гулял в трубе и маятник часов мирно отбивал время. Он зажег лучину: большая стрелка была на шести, а минутная на двадцати. «Странно, чего петух молчит», – опять задался вопросом астролог и решил посмотреть, как

там поживает живность.

Скинул одеяло и резкими движениями натянул бушлат, вышел в студеный коридор и быстро зашагал в курятник. Астролог, как и другие сельчане, держал живность, но не для съедания. Он, конечно, не был вегетарианцем и мясо очень любил, но сам не мог прикончить бедное животное.

В детстве, как он помнил, у них были цыплята, и на одного упала небольшая деревянная плита. Она его не пришибла, а только распорола живот, и чтобы цыпленок не мучился, маленький Васька решил облегчить его страдания и забить камнем, вскользь взрослые посоветовали, а по младости своей ум слабый имел, доверчивый. Что там на цыпленка надо – один удар и все, и казалось, благодать в сути дел его лежала, и видимо, по этой причине не боясь посмотрел после содеянного в глаза маленькому зверьку и... Эта картина и во взрослой жизни рисовалась всеми красками и не тускнела от времени. Как затухали глаза погибающего животного, и сколько в них было боли и желания жить, и как угасала пламенная свеча бытия пушистой желтой живности. С тех пор Василий не только не мог притронуться к курам, но даже на рыбалку из-за этого не ходил. Морская тварь, бьющая хвостом от страха перед предстоящим и надежды попасть в свою стихию, вызывала в нем депрессию, и потом он очень долго себя плохо чувствовал.

Так что покупал он тушки уже разделанных зверушек у других сельчан или на рынке, а при себе держал кур для

свежих яичек. Эти же божьи твари мирно доживали свой срок, и никто их не трогал, словно они находились под незримой опекой того цыпленка, которого в ужасе вспоминал уже взрослый Васька и который не покидал его даже в снах. Астролог больше ягодой промышлял. Сама природа давала эти вкусные плоды для срывания, и гнущиеся стебли той же малины от плодов обильных с благодарностью смотрели на труд звездочета.

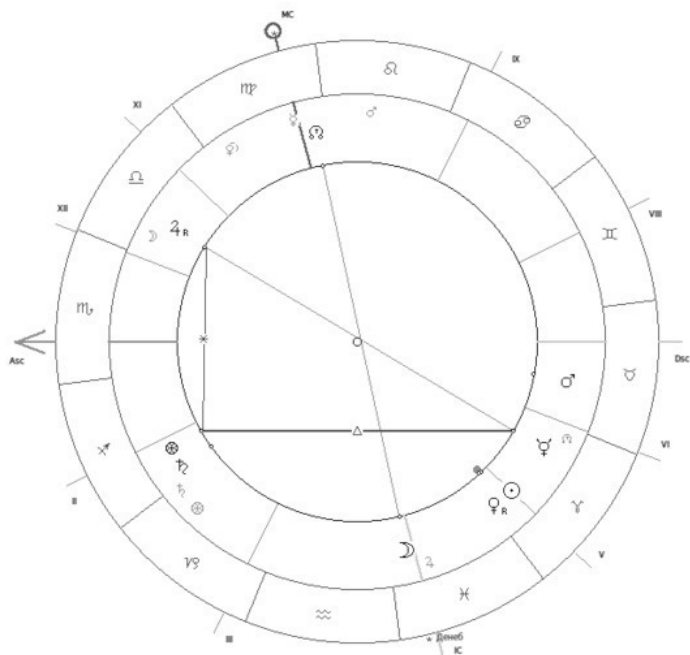
Он зашел в сарай и зажег свет. Куры были разбросаны по земляному полу, а петух, забившись в угол, лежал с открытым клювом. Васька поначалу и не понял, что они уже неживые. Он нагнулся над одной из куриц: на белой шее виднелись два красных пятна.

«Вот Алефтина, тудыт разтудыт, – выругался астролог, – язык поганый, никак и вправду чупакабры приперлись».

В этом звездочет уже не сомневался, если бы волк залез, то подрал бы кур, а тут все целы, только крови в них нет, и была бы слышна борьба, а тут все втихую прошло. В народе рассказывали, что чупакабры обладают гипнотическими свойствами, и поэтому их жертва не сопротивляется; вспомнил Васька народный фольклор.

В избу вернулся злой, продрогший, аж коленки ныли. Разжег печь и заварил горячего чая. Кипяток обжигал губы и мучил небо. Васька расхаживал по комнате маятником. Потом достал чистый лист бумаги и решил прикинуть, какая зараза его кур сгубила.

Карту составил быстро. Стал кумекать, как посмотреть. Его живность шла, конечно, по 6 дому – в этом он не сомневался, и память его не подводила, да и недавно перечитывал Миддлтона.

ZET

Кто убил кур?

Управителем 6 дома была ущербная Венера, и ее ужасное положение показывалось изгнанием, ретроградностью и пребыванием в производном 12 доме, т. к. для 6 дома пятый есть не что иное, как 12 ($6 + 12 - 1 = 17 - 12 = 5$).

Венера, конечно, была еще в 4 доме, но отставала от куспида 5 всего лишь на 3 градуса, а по правилам «5 градусов», о которых еще писал выдающийся Бен Эзра в «Книге суждений о звездах», или кто-то другой, Василий не мог вспомнить, но смысл в том, что планета не просто видит на 5 градусов вперед, а как бы физически уже там находится, и следовательно, можно считать эту Афродиту в 5 радикальном доме, хотя по карте она еще в 4.

Видимо, карта показывала обреченное положение бедной живности, но кто это мог сделать? Производный 12 дом мог указывать на тайну или на крупных животных. Васька вспомнил сон про чупакабр и поежился; страх холодным галопом пробежал по спине.

Он снова посмотрел на карту. Венера имела расходящееся соединение с Солнцем, которое его и уничтожило окончательно. «Значит, осталось определить, кто выступает в роли дневного светила, и можно идти бить морду», – серчал астролог.

Он нервно встал. Налил остывшего чая и выпил залпом. Немного успокоившись, стал рассуждать дальше. Солнце стояло в знаке Овна, а звездочету еще со школьной астрологической скамьи было известно, что Овен, Телец, Лев, Стре-

лец и Козерог – животные знаки, из которых Лев и вторая половина Стрельца – дикие. Дневное светило хоть и не было в величественном знаке, но имело там место экзальтации. Причем Солнце просто ненавидит Венеру. Да и стоит прямо на куспиде 5 радикального или 12 производного дома.

«Странно получается, карта указывает на животное, а куры целы, только крови в них нет», – думал астролог. Он, конечно, не верил в этих мифических кровопийц, что приснились ему ночью, но страх пробежал мокрой испариной по телу. Он поежился.

Накинув бушлат, Васька еще раз заглянул в сарай в надежде увидеть там живых кур, но пернатые птицы были разбросаны по полу сарая с открытыми клювами. Петух же валялся в углу. Его глаза были стеклянными, что еще больше испугало астролога.

До конца не верилось, что все это проделки чупакабр, и он решил обратиться за помощью к участковому. Кузьма Егорович, молодой парень, видимо, сразу после училища пошел в участковые. Правда, что его в эту глушь затянуло, было неизвестно, но местные рассказывают, что Егорыч сам попросился подальше от дома, а там были и рады: на селе проблема с представителями охраны порядка.

Кузьма сидел за столом, полным от вороха каких-то бумаг, небритый и со взъерошенными волосами. Васька даже поначалу не признал в нем знакомого участкового, который всегда был как на парад.

Местное радио в виде неугомонных сплетниц уже и историю ему придумало, и мотивы его пояснило. Ну а как им не посудачить. Он жил один, но при этом всегда ходил выглажен, чист. Ногти его блестели от полировки и маникюра. Всегда брит. Кузьма следил не только за своей одеждой, но и за телом. Бабы только вздыхали, когда видели его на речке, а мужики тихо завидовали и его кубикам на животе, и его овальной груди. В общей бане он не мылся, так что что было там ниже, никому в селе не было ведомо. Егорыча и природа наделила красотой: зеленые круглые глаза, темные брови, густая бахрома ресниц, пухлые и выразительные губы, в общем, он был именно тем, кого бабы любят.

Правда, участковый обходил их стороной; на этом местные сплетницы и сделали вывод, что, ну, тот он, о ком в телевизоре иногда рассказывали. Девки и так перед ним и этак и в каких только нарядах не ходили, а ему хоть бы хны, даже и носом не поведет, и глаза спокойные и задумчивые. Другой мужик уже бы, а он все пялится в бумаги или ногти рассматривает. Частенько убивал время с мужиками за шашками. Так с ним толпой и играли, чтобы наедине не оставаться, а то кто его знает. Бабским турусам никто не верил, но на всякий случай были начеку, кто его знает.

Другие рассказывали иную историю, что уехал он из города из-за душевной травмы, и нанесла такое ему несбывшаяся невеста. Ну что бы там народная молва ни пела, свечку никто не держал, а в голову залезть к чужому человеку невоз-

МОЖНО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.